

РЕЦЕНЗИИ

МОРОЗОВ С. В. Польско-чехословацкие отношения. 1933—1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ, 2004. 528 с. Тираж 500 экз.

Книга докторанта кафедры истории южных и западных славян МГУ С. В. Морозова посвящена актуальной теме польско-чехословацких отношений в 1933—1939 гг. и знаменует завершение его многолетних изысканий. Несмотря на достаточную степень изученности в российской историографии проблем внешней политики стран Центральной Европы, эта тема на основательной базе архивных источников ранее не исследовалась. Автор удачно применил редкий в постсоветской науке геополитический подход. Он наглядно показал место и роль польской внешней политики 30-х гг. не только на уровне противостояния стран Версальско-локарнской системы и СССР, но и в системе конфликтов по линии Запад — Восток, включая редко учитываемый аспект противоречий морских (атлантических) и континентальных европейских держав.

Обобщив в прекрасно выполненном введении взаимоотношения Варшавы и Праги, автор присоединяется к мнению, что одним из основных духовных критериев этих отношений было различное ментальное восприятие России. Для чехов в XIX в. она была «старшей славянской сестрой», а для поляков — одной из «стран-разделителей». После Первой мировой войны в польско-чешские отношения вмешался материальный (территориальный) критерий — присоединение в 1920 г. решением стран Антанты промышленно-развитого района Тешенской Силезии, на который претендовали обе страны, к Чехословакии, а не к Польше. Сумев привлечь материалы ряда федеральных и ведомственных российских архивов, которые впервые вводятся в научный оборот, опубликованные дипломатические документы, отечественную и зарубежную прессу, мемуарные источники, С. В. Морозов убедительно показал, как неожиданно проявился этот критерий в 1933—1939 гг. Именно тогда реакционные круги Запада подталкивали Гитлера к войне против России. Привлекает внимание глубокий и всесторонний историографический обзор, свидетельствующий о научной эрудиции автора. Он указывает на наличие в СССР и на постсоветском пространстве двух основных центров изучения внешней политики межвоенной Польши — московского и минского. Автор анализирует труды белорусских историков Д. С. Климовского и Г. Г. Лазько¹.

С первых страниц работы видно, что автор поставил перед собой ряд серьезных задач, которые он с неуклонным старанием выполняет. Его своеобразной визитной карточкой является весьма ответственное отношение к малозначимым, на первый взгляд,

деталю. Тем не менее именно эта черта позволила ему заложить добротный фундамент монографии. Один из важных моментов — терминологический. Самим способом написания термина «Тешен», а не «Тешин», как принято на современных картах и во многих работах историков-славистов советской эпохи, автор однозначно дал понять о своем предпочтении энциклопедическим и историческим традициям. Этот выбор свидетельствует о еще одной черте автора — стремлении иметь дело с первоисточником, в первую очередь с архивными фондами. На этой почве он подвергает критике казанского профессора Я. Я. Гришина, монография которого построена на основе работ польских историков, но не отличается использованием в достаточной степени ни опубликованные дипломатические документы, ни архивные материалы².

Автор приспособил существующий терминологический аппарат к географическому региону своего исследования. Он ввел термин «Версальско-локарнская система», трактуя эту систему в качестве своеобразного механизма для мирной ревизии границ, предусмотренной ст. 19 Устава Лиги Наций, прежде всего границ германских, в первую очередь за счет славянских государств. С момента завершения формирования в 1925 г. Версальско-локарнской системы ее отцы-основатели — британские политики — получили в свои руки правовой механизм для подчинения интересов правящих кругов континентальных стран Европы интересам правящих кругов Великобритании.

Политику, которую Варшава проводила в отношении Праги в течение 1934 г. в рамках так называемого «нового курса» министра иностранных дел Польши Ю. Бека, автор называет «политикой искусственного дистанцирования». И это верно, так как польские политики в это время, по образному выражению автора, «ловко крутили роман с Берлином» в предвкушении совместного похода на восток и стремились в максимальной степени дистанцироваться от чехословацких коллег, дабы иметь возможность присовокупить решение той же «тешенской проблемы» к реализации «восточных планов» Гитлера.

В исследовании этого направления автор совершил прорыв. Первым среди отечественных и зарубежных историков он полномасштабно ввел в оборот секретный польско-германский договор от 25 февраля 1934 г. На основе архивных материалов (особенно секретных донесений советской разведки Сталину), опубликованных российских и зарубежных документов, мемуарной литературы автор делает вывод, что наряду с Гитлером и Пилсудским напасть на СССР в 1935 г. готовились и японские милитаристы. Они близко сотрудничали с Генеральным штабом вермахта и Главным штабом Войска Польского, вырабатывая общую линию против Восточного пакта, который продвигали СССР и Франция. Автор первым подметил, что планы Ю. Пилсудского

«вернуть былое величие Польше» путем вторжения Японии на советский Дальний Восток были в 1935 г. повторением на качественно новом уровне его более ранних замыслов. В 1904 г. во время русско-японской войны он посетил Токио, где предлагал поднять восстание в Царстве Польском. Автор обоснованно увязал факт публикации 20 апреля 1935 г. секретного польско-германского договора на страницах «Правды» и «Известий» со стремлением Сталина сделать своеобразный «подарок» Гитлеру к дню рождения. Действительно, такого рода «подарки» остаются в памяти политиков надолго.

Откровением выглядят достоверные факты из монографии о планах нацистов и пилсудчиков создать в феврале—апреле 1935 г. антисоветский по своей направленности «воздушный пакт», опека над которым была поручена имперскому министру авиации Г. Герингу. Вызывают глубокий интерес изысканные автором в источниках данные, которые свидетельствуют о том, что в качестве закулисного режиссера захватнических планов злобещего трио Берлин, Варшава, Токио следует рассматривать правящие круги Великобритании. По утверждению министра внутренних дел США Г. Икеса подобного рода соображениями в кругу своих приближенных в конце 1935 г. поделился президент Ф. Рузвельт. На эту версию работает и ряд других фактов: визит в Великобританию в июне 1933 г. идеолога герман-

ских «восточных планов» А. Розенберга, интервью 1-го секретаря германского посольства в Лондоне О. Бисмарка (свидетельствовало о том, что Форин офис согласился выступить в качестве посредника между Германией и Польшей). Кроме того, в июле 1933 г. в Германию нанес визит «человек секретов» М. Хэнки и, наконец, был создан особый канал связи по линии разведки, где доверенным лицом с английской стороны вплоть до 1939 г. выступал барон В. де Ропп.

Впрочем, автор проявляет некоторую непоследовательность касательно выводов. В начале своей работы он упомянул в качестве одного из значимых факторов постулат идеолога британского империализма Х. Маккиндера о непримиримом противостоянии морских и континентальных держав и «неизбежно агрессивном пути его преодоления со стороны Запада». Было бы логично попытаться определить в данном процессе роль Польши, заслуживавшей определения «инструмента» в руках морских держав. Однако автор от напрашивающихся обобщений подобного рода воздержался.

Пожалуй, С. В. Морозову удалось сказать несколько весомых слов и в рамках одной из центральных проблем польской историографии — так называемых планов превентивной войны Польши против Германии. Применительно к этой проблеме он впервые использует такие источники, как официальная публикация французских дипломатических документов, французская пресса, мемуары французской журналистки Ж. Табуи. Все это позволяет подтвердить факт визита в Париж еще в январе 1933 г. сенатора Е. Потоцкого с письмом Ю. Пилсудского, содержащего вопрос о своевременности проведения превентивной войны против Германии. Таким образом, автором впервые представлены и обоснованы звенья одной цепи: «Декларация пяти держав» от 11 декабря 1932 г.; совещание влиятельных лиц, проведенное Пилсудским через несколько дней в Варшаве, где было принято решение о переориентации польской внешней политики с Франции на Германию; визит Потоцкого в Париж, рассчитанный на отказ от проведения совместных польско-французских действий в отношении Берлина; создание в марте—апреле 1933 г. атмосферы превентивной войны с кампанией в прессе и концентрацией польских войск на границе с Восточной Пруссией.

Автор установил, что Польша применяла в этот период в отношении Германии метод военно-дипломатического давления. В этой связи он критикует избирательный подход многих польских авторов, а также маститого американского историка П. Вандыча, исключивших из поля зрения в связи с проблемой превентивной войны мемуары Ж. Табуи, французскую прессу и опубликованные французские дипломатические документы.

К числу безусловных достоинств работы следует причислить четкое разграничение характера польско-германских отношений до заключения советско-французского договора от 2 мая 1935 г. и после него. Если в период зимы 1934 — весны 1935 г. эти отношения тракуются, в свете совместных «восточных планов», как партнерские, то в течение лета 1935 — осени 1938 г. Берлин был склонен относиться к Варшаве уже как к младшему партнеру. С. В. Морозов указывает, что Варшава продолжала надеяться на участие Германии в «восточных планах», в то время как Берлин к польскому участию в них начал относиться скептически. Однако поскольку Гитлер боялся советско-чехословацкого военного взаимодействия и ему были выгодны плохие польско-чехословацкие отношения, то нацистское руководство всячески настраивало пилсудчиков против их нормализации. Тем самым Германия использовала польское руководство как орудие против Чехословакии, в то же время делая вид, что находит в нем союзника.

Наиболее информативной и масштабной по объему является четвертая глава, где проведено изучение польско-чехословацких отношений после выхода Германии из локарнских соглашений. Причем это сделано во взаимосвязи с усилиями Бека по реализации концепции «интермариум», направленной на создание так называемого «нейтрального блока». Показано, что в основе этого стремления лежало осознание Варшавой мысли о неизбежности в будущем военно-политического противостояния с Германией-

ей по гданьскому вопросу. Автор обращает внимание на борьбу, которую скрытно вели между собой Э. Бенеш и Ю. Бек. Чехословацкий президент пытался с помощью Парижа добиться отставки польского министра, а последний начал разворачивать совместно с Берлином интригу против Праги с целью обвинить чехословацкое руководство в связях с Коминтерном. С. В. Морозов подчеркивает обострение польско-чехословацких противоречий в связи с заключением в ноябре 1936 г. антикоминтерновского пакта, а также факт соперничества Варшавы и Праги за Румынию. Бек видел эту страну в качестве участника своего «нейтрального блока», тогда как Бенеш нуждался в ней в связи с планами строительства буковинской железной дороги, соединившей бы через Румынию Чехословакию и СССР.

В монографии убедительно показано, что к 1938 г. на чехословацком направлении постепенно происходит объединение усилий Польши, Германии и Венгрии, изоляция Чехословакии внутри Малой Антанты и фактический распад последней. Акцентируется внимание на попытках Варшавы использовать проблему польского меньшинства в Тешенской Силезии в связке с проблемой немецкого и венгерского меньшинств на территории Чехословакии — в исторических районах Судетской Богемии (на западе Чехии) и Верхней Венгрии (на юге Словакии). Автор тщательно проследивает польско-чехословацкие отношения вплоть до мюнхенской конференции (уделив внимание позиции чехословацкого и советского руководства в период Мюнхена) и отторжения Польшей у растерзанной Чехословакии Тешенской Силезии. Он в числе первых в славистской историографии рассмотрел на основе архивных документов действия в крае польских диверсионных отрядов в сентябре 1938 г. Однако справедливости ради нужно указать на существование сборника документов, подготовленного К. Бадзяком, Г. Матвеевым, П. Самусем, о событиях в Заользье в 1938 г., который вышел в 7 томе польского военно-исторического издания «Марс. Проблематика и история военного дела: Исследования и материалы», активно используемом автором³.

Уместно упомянуть, что на раннем этапе подготовки ликвидации Чехословакии Германия планировала участие в этом акте Польши и Венгрии. Страх перед украинским ирредентизмом и претензии на Тешен и Заользье вынудили Варшаву высказаться за присоединение Подкарпатской Руси к Венгрии. В октябре 1938 г. Ю. Бек проявил горячее стремление добиться от Берлина согласия на венгерскую оккупацию Закарпатья для создания польско-венгерской границы. Венгрия просила Польшу оказать ей помощь войсками, но Варшава пошла по пути организации диверсионных действий. 19 октября начальник Генштаба Войска Польского генерал В. Стахевич отдал приказ об акции «Лом». 15 ноября начались диверсионные операции в сопредельных районах Закарпатья. Однако скоро стало ясно, что Венгрия отказалась от захвата всей территории Подкарпатской Руси вооруженным путем, поэтому 25 ноября акция «Лом» была свернута, а польские отряды в составе 722 бойцов отозваны. Всего было проведено 56 диверсий, в результате было взорвано 13 мостов, 27 телефонных линий, 23 человека убито, 15 ранено, уведено 20 пленных⁴. В главе 5 монографии (с. 466, 495) имеется глухое упоминание об этих событиях.

Интересен анализ польско-чехословацких отношений в период второй республики и причины краха концепции «интермариум». Автор утверждает, что польское руководство, поняв, что третий рейх не позволит создать «нейтральный блок», начинает подготовку вместе с хортистской Венгрией (была не удовлетворена решениями первого Венского арбитража) отторжение у Чехословакии Закарпатской Украины с целью установления польско-венгерской границы, в чем им активно содействовала Италия. Автор отмечает, что после присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту Польша решила самостоятельно захватить Закарпатскую Украину, организовав там «восстание». Впервые сумев привлечь к рассмотрению данной проблемы документы Центрального государственного исторического архива (Болгария), а также новейшие российские исследования, С. В. Морозов опроверг устоявшееся мнение о дате,

когда старания Варшавы создать «нейтральный блок» потерпели крах. Это — не 1938 г., как принято считать среди польских историков, а первая половина марта 1939 г., когда Венгрия не позволила польским войскам захватить часть закарпатской территории с участком стратегической железной дороги. Будапешт ввел туда свои войска и не разрешил ни Польше, ни Румынии овладеть частью так называемой буковинской железной дороги. И хотя 17—18 марта 1939 г. общая польско-венгерская граница была установлена, надежды польского руководства на создание «нейтрального блока» потерпели крах, а Гитлер уже 28 апреля 1939 г. денонсировал польско-германскую декларацию от 26 января 1934 г., что говорило о крушении результатов всей предшествовавшей внешнеполитической деятельности Ю. Бека.

Глобальные изменения, произошедшие в 90-е гг. XX в. в системе международных отношений Центральной и Юго-Восточной Европы, обусловили повышенный интерес к прошлому стран региона, способствовали формированию новых точек зрения среди историков. Особенно активно эти процессы протекали в Польше. Вопрос о характере ее внешней политики с 1933 по 1939 г. стал предметом острой дискуссии современных польских ученых и политиков. Еще в конце 80-х гг. XX в. был поставлен под сомнение ее агрессивный характер. Польская историография стала всемерно поднимать на щит и прославлять так называемую политику «равноудаленности». Сознательно или несознательно, тогдашние польские правители пытались уподобить декларированную ими политику «равноудаленности» политике «равновесия», которую традиционно проводила в континентальной Европе Англия. На деле же Польша эпохи Пилсудского и его политических наследников активно выступала в роли поджигателя войны. Чехословакия же в отличие от нее была одним из оплотов миролюбивых сил в этом регионе. В монографии С. В. Морозова убедительно показано, что многие

представители современной польской историографии (М. Захариас, М. Каминьский, С. Грегорович) пытаются затушевать агрессивную природу режима «санации» и скрыть тот факт, что тогдашние польские правители вынашивали захватнические, реваншистские планы, претендовали на отторжение спорных территорий у Чехословакии и других соседей.

В целом книга имеет высокую научную и политическую значимость. Автор показал, что польские правители эпохи Пилсудского проводили безответственную и авантюристическую политику, пытаясь вернуть своей стране «былое величие» за счет новых территориальных захватов. В особенности циничным выглядело с их стороны намерение использовать в своих расчетах патриотизм и любовь к Отчизне у зарубежных поляков. Последние должны были поднять «восстания» против «угнетателей», как это уже было в XIX в., а пилсудчики использовали бы это как повод для активных действий, подобно войнам и восстаниям рубежа и начала 20-х гг. XX в., направленным практически против всех соседей молодого польского государства. Книга С. В. Морозова обогащает российскую и мировую историографию славяноведения, прежде всего по истории предвоенной Польши, и дает новый стимул для дальнейшего изучения этой научной проблемы.

А. П. Сальков, заведующий кафедрой истории южных и западных славян БГУ, кандидат исторических наук, доцент

¹ См.: *Климовский Д. С.* Германия и Польша в локальной системе европейских взаимоотношений. Мн., 1975; *Р. Р. Лазько.* Перад патапам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932—1939). Мінск., 2000.

² См.: *Гришин Я. Я.* Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932—1939 гг. Казань, 1999.

³ Patrz: *Badziak K., Matwiejew G. Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r.: Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa, 1997.

⁴ *Samuś P., Badziak K., Matwiejew G.* Akcja «Łom»: Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa, 1998. Dok. 86. S. 199—200; Dok. 112. S. 237—238; Dok. 123. S. 270; Dok. 124. S. 279.